

ДЖЕК ЛОНДОН

МАРТИН
ИДЕН

Перевод
Р. Е. Облонской

Москва · Издательство «Обложка» · 2023

ГЛАВА 1

Он отпер дверь своим ключом и вошёл, а следом, в смущении сдёрнув кепку, шагнул молодой парень. Что-то в его грубой одежде сразу выдавало моряка, и в просторном холле, где они оказались, он был явно не к месту. Он не знал, куда девать кепку, стал было засовывать её в карман пиджака, но тот, другой, отобрал её. Отобрал спокойно, естественно, и парень, которому тут, видно, было не по себе, в душе поблагодарил его. «Понимает, — подумал он. — Поможет, всё обойдётся».

Парень враскачку шёл за тем, другим, невольно расставляя ноги, словно этот ровный пол то, кренясь, взмывал на волне, то ухал вниз. Шёл вперевалку, и большие комнаты становились тесными, и страх его брал, как бы не задеть широкими плечами дверной косяк, не скинуть какую-нибудь дорогую вещь с низкой каминной полки. Он шарахался то вправо, то влево и лишь умножал опасности, что мерещились ему на каждом шагу. Между роялем и столом посреди комнаты, на котором громоздились книги, могли бы пройти шестеро в ряд, он же пробирался с опаской. Могучие ручищи болтались по бокам. Он не знал, куда их девать, вдруг в страхе отпрянул, точно испуганная лошадь, — вообразил, будто сейчас свалит груду книг на столе, и едва не наскочил на вращающийся табурет перед роялем. Он заметил, какая непринуждённая походка у того, впереди, и впервые

осознал, что сам ходит совсем не как все прочие люди. И на миг устыдился своей неуклюжести. На лбу выступили капельки пота, он остановился, отёр загорелое лицо платком.

— Обождите, Артур, дружище, — сказал он, пытаясь прикрыть тревогу шутливым тоном. — У меня уж голова кругом пошла. Надо ж мне набраться храбрости. Сами знаете, не желал я идти, да и вашему семейству, смекаю, не больно я нужен.

— Ничего-ничего, — ободряюще сказал Артур. — Незачем нас бояться. Мы самые обыкновенные люди. Э, да мне письмо!

Он отошёл к столу, вскрыл конверт и принялся читать, давая гостю опомниться. И гость понял и в душе поблагодарил хозяина. Был у него дар понимания, проникновения; и, хотя чувствовалось, что ему сейчас отчаянно не по себе, дар этот ни на минуту не изменил ему. Он опять вытер лоб, осмотрелся, и теперь лицо уже было спокойно, только взгляд настороженный, словно у дикого зверя, когда он чует ловушку. Оказавшись в незнакомом окружении, со страхом думая, что же будет дальше, он не понимал, как себя здесь вести, ощущал, что ходит и держится неуклюже, боялся, что и каждое его движение, и сама его сила отдаёт всё той же неуклюжестью. Был он на редкость чуток, безмерно застенчив, и затаённая усмешка во взгляде Артура, брошенном поверх письма, резанула его как ножом. Он заметил этот взгляд, но виду не подал, ибо в ту науку, которую он превзошёл, входило и умение владеть собой. Взгляд этот ранил его гордость. Он клял себя за то, что пришёл, и, однако, решил, что, уж раз пришёл, будь что будет, отступать он не намерен. Лицо стало жёстче, глаза сверкнули

воинственно. Всё примечая, он спокойнее огляделся по сторонам, и в мозгу отпечатались каждая мелочь красивого убранства этой комнаты. Ничто не ускользнуло от его зоркого взгляда, широко раскрытые глаза вбирали окружающую красоту, и воинственный блеск в них уступал место тёплой сиянию. Он всегда чутко отзывался на красоту, а тут было на что отозваться.

Его внимание приковала картина, писанная маслом. Могучий прибор с грохотом разбивается о выступ скалы, мрачные грозовые тучи затянули небо, а вдали, за линией приборя, на фоне грозового закатного неба — лоцманский бот в крутом повороте, он накренился, так что видна каждая мелочь на палубе. Была здесь красота, и она влекла неодолимо. Парень позабыл о своей неуклюжей походке, подошёл ближе, совсем близко. И красота исчезла. На лице его выразилось замешательство. Он смотрел во все глаза на эту, как ему теперь казалось, неряшливую мазню, потом отступил на шаг. И полотно вновь ослепило красотой. «Картина с фокусом», — подумал он разочарованно, однако среди множества захлестнувших его впечатлений кольнула досада: такую красоту принесли в жертву фокусу. Живопись была ему неведома. Прежде он только и видел олеографии да литографии, а они всегда чётки и определённы, стоишь ли рядом или смотришь издали. Правда, в витринах магазинов он видел и картины, писанные маслом, но стекло не давало взглянуть в них поближе.

Он оглянулся на приятеля, читающего письмо, и увидел на столе книги. В глазах тотчас вспыхнула тоскливая зависть и жадность, точно у голодного при виде пищи. Враскачку он двинулся к столу и вот

Зацепил он меня, хотя, понятно, я в стихах не больно смыслю, мисс.

Он запнулся, неловко замолчал. Он был смущён, мучительно сознавал, что не умеет высказать свою мысль. В прочитанном он почувствовал огромность жизни, жар её и свет, но как передать это словами? Не смог он выразить свои чувства — и представился себе матросом, что оказался тёмной ночью на чужом корабле и никак не разберётся ошупью в незнакомом такелаже. Ладно, решил он, всё в его руках, надо будет освоиться на этой новой посудине. Не случилось ещё такого, чтоб он с чем-то не совладал, была бы охота, а теперь самое время захотеть выучиться говорить про то, что у него внутри, да так, чтоб она поняла. В его мыслях Руфь заслонила полмира.

— А вот Лонгфелло... — говорила она.

— Ага, этого я читал, — перебил он, спеша выставить в лучшем виде свой скромный запас знаний о книгах, желая дать понять, что и он не вовсе тёмный, — «Псалом жизни», «Эксцельсиор!» и... всё вроде.

Она кивнула и улыбнулась, и он как-то ощутил, что улыбнулась она снисходительно... жалостливо-снисходительно. Дурак он, чего полез хвастать учёностью. У этого Лонгфелло, чего доброго, книжек пруд пруди.

— Прошу прощения, мисс, зря я встрял. Сдаётся мне, я тут мало чего смыслю. Не по моей это части. А только добыюсь я, будет по моей части.

Прозвучало это угрожающе. В голосе слышалась непреклонность, глаза сверкали, лицо стало жёстче. Руфи показалось, у него выпятился подбородок, придавая всему облику что-то неприятно вызыва-

ющее. Но при этом её словно обдало хлынувшей от него волною мужественности.

— Я думаю, вы добьётесь, это будет по... по вашей части, — со смехом закончила она. — Вы такой сильный.

Её взгляд на миг задержался на его мускулистой шее, бронзовой от загара, с грубыми жилами, прямо бычьей, здоровье и сила переливались в нём через край. И хотя он смущённо краснел и робел, её снова потянуло к нему. Нескромная мысль внезапно поразила её. Если коснуться этой шеи руками, можно впитать всю его силу и мощь. Мысль эта возмутила девушку. Будто вдруг обнаружилась неведомая ей дотоле порочность её природы. К тому же физическая сила в её глазах — нечто грубое, вульгарное. Идеалом мужской красоты для неё всегда была изящная стройность. И однако, мысль оказалась упорной. Откуда оно, желание обхватить руками загорелую шею гостя, недоумевала она. А суть в том, что сама она была отнюдь не крепкая, и тело её и душа тянулись к силе. Но она этого не знала. Знала только, что ни разу в жизни ни один мужчина никогда не волновал её так, как этот, который то и дело возмущал её своей чудовищно безграмотной речью.

— Верно, я не хилый, — сказал он. — Меня с копыт не скovyрнёшь, я и гвозди жевать могу. А вот сейчас никак не переварю, чего вы говорите. Не по зубам мне. Не учили меня этому. Книжки я люблю, и стихи тоже, и читаю всякую свободную минутку, а только по-вашему отродясь про них не думал. Потому и толковать про них не умею. Я вроде как штурман — занесло невесть куда, а ни карты, ни компаса нету. Надо мне сориентироваться. Может,

укажете, куда держать путь? Вы-то откуда узнали всё это, про что рассказывали?

— В школе, вероятно, и вообще училась, — ответила она.

— Несмыслёнышем и я в школу ходил, — возразил было Мартин.

— Да, но я имею в виду среднюю школу, и лекции, и университет.

— В университете учились? — откровенно изумился он. Теперь она стала ещё недосыгаемой, её отнесло по крайней мере ещё на миллион миль.

— И сейчас учусь. Слушаю специальный курс английской филологии.

Что такое «английская филология», он не знал, подумал, и тут он невежда, и принялся спрашивать дальше:

— Стало быть, сколько мне надо учиться, чтоб дойти до университета?

Она улыбнулась, одобряя такую тягу к знаниям.

— Это зависит от того, сколько вы учились до сих пор, — сказала она. — В старшие классы вы не ходили? Нет, конечно. Ну а восемь классов кончили?

— Нет, в седьмой уже не пошёл, — ответил он. — Но из класса в класс переходил с отличием.

И тут же обозлился на себя за похвальбу, и так яростно вцепился в ручку кресла, даже кончикам пальцев стало больно. И в эту минуту в дверях появилась какая-то женщина. Девушка встала и стремительно пошла ей навстречу. Они поцеловались и, обняв друг друга за талию, направились к нему. Мамаша, видать, подумал он. Была она высокая, светловолосая, стройная, осанистая и лицом красивая. Платье как раз под стать дому. Глаз радуется, такое оно складное да нарядное. И сама и платье —

прямо как на сцене. А потом он вспомнил, сколько раз стоял и глазел, как входят в лондонские театры такие вот важные разряженные дамы, и сколько раз полицейские выталкивали его из крытой галереи на морозящий дождь. И сразу же воспоминания перенесли к Гранд-отелю в Йокогаме, там с обочины тротуара он тоже видал таких важных дам. Теперь перед глазами замелькали бесчисленные картины самого города Йокогамы и тамошней гавани. Но, угнетённый тем, что ему сейчас предстояло, он постепенно погасил калейдоскоп памяти. Он знал, надо встать, тогда тебя познакомят, и неловко поднялся с кресла, и вот он стоит — брюки на коленях пузырятся, руки нелепо повисли, лицо напряглось в ожидании неизбежной пытки.

ГЛАВА 2

До столовой он добирался точно в страшном сне. Останавливался, спотыкался, его шатало, кидало из стороны в сторону, казалось, ему вовек не дойти. Но наконец он всё-таки вступил в столовую, и его посадили подле Неё. Его испугала целая выставка ножей и вилок. Они оцетинились, предвещая неведомые опасности, и он заворожённо уставился на них, пока на их слепящем фоне не двинулись чередой новые картины матросского кубрика, где он и его товарищи ели солонину, раздирая её складными ножами и руками, или выдавшими виды оловянными ложками черпали из жестяных мисок густой гороховый суп. В ноздри била вонь от тухлого мяса, в ушах отдавалось громкое чавканье

Сейчас перед ней был просто мальчишка. Шершавой, заскорузлой рукой он жал ей руку и говорил запинаясь:

— Самый замечательный день в жизни. Я... это... не привык к такому... — Он беспомощно огляделся. — К таким вот людям, к домам... В новинку мне это... и нравится.

— Надеюсь, вы ещё навестите нас, — говорила Руфь, пока он прощался с братьями.

Он нахлобучил кепку, смущённо, враскачку шагнул за дверь и исчез.

— Ну, что ты о нём скажешь? — тотчас спросил Артур.

— Необыкновенно интересен... Будто свежим ветром повеяло, — ответила она. — Сколько ему лет?

— Двадцать... почти двадцать один. Я его сегодня спрашивал. Мне-то казалось, он много старше.

«А я на три года старше», — думала она, целуя братьев и желая спокойной ночи.

ГЛАВА 3

Мартин Иден спускался по ступеням, а рука сама сунулась в карман пиджака. Вынырнула с коричневой рисовой бумагой и щепоткой мексиканского табаку, искусно свернула сигарку. Он глубоко затянулся и медленно, неспешно выдохнул клуб дыма.

— Чёрт побери! — громко сказал он с благоговейным изумлением. — Чёрт побери! — повторил он.

И ещё раз пробормотал: «Чёрт побери!» Потом рука потянулась к воротничку, он сорвал его и сунул в карман. Моросил холодный дождик, а Мар-

тин обнажил голову, расстегнул жилет и зашагал враскачку, как ни в чём не бывало. Он едва замечал, что дождит. Восторженно грезил наяву, перебирал в мыслях всё только что пережитое.

Наконец-то он встретил Женщину — он не часто думал об этом прежде, не склонен он был думать о женщинах, но такую ждал и смутно надеялся рано или поздно встретить. Сидел с ней рядом за столом. Жал ей руку, глядел ей в глаза и на миг увидал в них прекрасную душу... но нет, не прекраснее глаз, в которых светилась душа, не прекраснее плоти, в которую душа облечена. О плоти он не думал, и это для него было внове, ведь женщины, которых он знал прежде, вызывали в нём только плотские желания. А вот о её плоти почему-то так не думалось. Словно тело её не такое, как у всех, — бренное, подвластное недугам. Нет, оно не просто оболочка души. Оно — порождение души, чистое и благодатное воплощение её божественной сути. Ощущение божественности ошеломило его. Спугнуло мечты и отрезвило. Никогда прежде не воспринимал он ни слов, ни указаний, ни намёков на божественное. Никогда он в божественное не верил. Он всегда был неверующим, всегда добродушно подсмеивался над судовыми священниками и их разговорами о бессмертии души. За гробом жизни нет, возражал он, живёшь здесь, сегодня, а потом — вечная тьма. Но вот в глазах девушки он увидел душу, бессмертную душу, которая не может умереть. Никогда ещё никто, ни мужчина, ни женщина, не заставил его задуматься о бессмертии. Только она пробудила эту мысль в первый же миг, первым взглядом. И вот он идёт, и перед глазами чуть светится её лицо, бледное и серьёзное, милое

ГЛАВА 7

С того вечера, когда он впервые увидел Руфь, он целую неделю просидел над книгами, а пойти к ней всё не решался... Не раз бывало — наберётся храбрости и уже готов пойти, но опять одолеют сомнения и решимость тает. Он не знал, в какой час полагается зайти, спросить об этом было не у кого, и он боялся безнадежно оплошать. От прежних приятелей и прежних привычек он отошёл, новых приятелей не завёл, только и оставалось, что читать, и он посвящал чтению столько часов, что не выдержал бы и десяток пар обычных глаз. Но у него зрение было превосходное, да и вообще превосходное, редкостное здоровье. К тому же ум у него был вовсе нетронутый. Всю жизнь оставался нетронутым, не ведающим отвлечённых мыслей, какие может зародить книга, он был точно добрая почва, — и вполне созрел для посева. Его не изнурили учением, и он так жадно вгрызлся в книжную премудрость, что не оторвёшь.

К концу недели Мартину казалось, прошли столетия, — так далеко позади осталась прежняя жизнь, прежние взгляды. Но ему отчаянно не хватало подготовки. Он пытался читать книги, которые требовали многолетнего специального образования. Сегодня он берётся за книгу по древней философии, а завтра — по сверхсовременной, и от столкновения противоречивых идей голова идёт кругом. Так же вышло и с экономистами. В библиотеке он увидел на одной полке Карла Маркса, Рикардо, Адама Смита и Милля, и малопонятные умозаключения одного не помогли убедиться, что

идеи другого устарели. Он был сбит с толку, но всё равно жаждал понять. Его заинтересовали сразу экономика, промышленность и политика. Проходя через Муниципальный парк, он заметил небольшую толпу, а посередине — человек пять-шесть, они покраснелись, громко, с жаром о чём-то спорили. Он присоединился к слушателям и услышал новый, незнакомый язык философов из народа. Один оказался бродягой, другой лейбористским агитатором, третий студентом юридического факультета, а остальные — рабочие, любители поговорить. И Мартин впервые услышал о социализме, анархизме, о едином налоге и узнал, что существуют непримиримые общественные учения. Он услышал сотни незнакомых терминов, принадлежащих к тем областям знания, которых он при своей малой начитанности пока даже не касался. А потому он не мог толком уследить за ходом спора, и оставалось лишь гадать и с трудом нащупывать мысли, заключённые в столь непонятных выражениях. Были там ещё черноглазый официант из ресторана — теософ, член профсоюза пекарей — агностик, какой-то старик, который озадачил всех странной философией: что в мире существует, то разумно, и ещё один старик, который без конца вещал о космосе, об атоме-отце и атоме-матери.

За несколько часов, что Мартин там пробыл, в голове у него всё перепуталось, и он кинулся в библиотеку посмотреть значение десятка неведомых слов. Из библиотеки он унёс под мышкой четыре тома: «Тайную доктрину» госпожи Блаватской, «Прогресс и нищету», «Квинтэссенцию социализма» и «Войну религии и науки». На свою беду, он начал с «Тайной доктрины». Каждая строчка ощетикивалась

— Сдаётся мне, знания — они вроде штурманской рубки. Как приду в библиотеку, всегда про это думаю. Дело учителей по порядку растолковать ученикам всё, что есть в рубке. Учителя — проводники по штурманской рубке, вот и всё. Ничего нового они тут не выдумывают. Не они всё это сработали, не они создали. В рубке есть карты, компас, всё, что надо, а учительское дело всё новичкам показать, чтоб не заблудились. Ну а я не заблужусь. Я уж дорогу распознаю. Почти всегда знаю, где я есть... опять не так сказал?

— Выражение «где я есть» неправильное.

— Ну да, — с благодарностью согласился Мартин. — Я почти всегда знаю, где я. Так где же я? Да в штурманской рубке. А некоторым, видать...

— Наверно, — поправила она.

— Некоторым, наверно, нужны проводники... почти всем, а я так думаю, я могу обойтись без них. Я уже сколько времени пробыл в рубке и вот-вот научусь разбираться, соображу, какие мне нужны карты, какие берега я хочу исследовать. Раскинул я мозгами и вижу: сам я, один, справлюсь куда быстрее. Известно ведь, ход эскадры применяется к скорости самого тихоходного корабля, ну, и с учителями так же. Нельзя им идти быстрее рядовых учеников, а я пойду своим шагом и обгоню их.

— «Тот шагает быстрее, кто шагает один», — процитировала Руфь.

— А с вами я всё равно бы шагал быстрее, — готов был выпалить Мартин, и ему уже представились бескрайние, залитые солнцем просторы и полные звёзд бездны, и он плыл там вместе с нею, обхватив её рукой, и её светло-золотистые волосы льнули к его лицу. И в тот же миг он осознал своё жалкое

косноязычие. Господи! Если бы он мог передать ей словами то, что видел сам! Взволновало, мучительной тоской отозвалось желание нарисовать те картины, что, незванные, вспыхивали в зеркале памяти. А, вот оно! Тайна приоткрылась ему. Вот что, оказывается, делали великие писатели и замечательные поэты. Вот почему они стали титанами. Они умели выразить то, что думали, чувствовали, видели. Дремлющие на солнцепёке собаки часто скулят и лают, но они не способны рассказать, что же им привиделось такое, отчего они заскулили и залаяли. Он часто гадал, что же они видят. Вот и сам он — всего лишь дремлющий на солнцепёке пёс. Он видит величественные, прекрасные картины, но, чем пересказать их Руфи, только и может скулить да лаять. Нет, больше он не станет дремать на солнце. Он подыметя, стряхнёт с себя сон и будет стараться изо всех сил, работать не покладая рук, учиться — пока не прозреет, не заговорит, пока не сумеет разделить с ней богатство запечатлённых в памяти картин. Открыли ведь другие секрет выразительности, обратили слова в послушных слуг, ухитряются так их сочетать, что вместе слова эти значат куда больше, чем сумма их отдельных значений. Мартина глубоко взволновала приоткрывшаяся ему тайна, и опять засияли перед ним залитые солнцем просторы и звёздные бездны... А потом он заметил, какая стоит тишина, и увидел, что Руфь весело смотрит на него и глаза её смеются.

— Я грезил наяву, — сказал он, и от звука этих слов ёкнуло сердце. Откуда взялись у него такие слова? Они совершенно точно выразили то, из-за чего прервался их разговор. Произошло чудо. Никогда ещё не выражал он возвышенную мысль

И он поплёлся по дороге к водокачке, там на запасном пути с полдюжины пустых товарных вагонов ждали, когда их прицепят к составу.

ГЛАВА 19

Руфь и всё семейство Морзов были уже дома, и Мартин, возвратясь в Окленд, часто с ней виделся. Она стала бакалавром и покончила с учёном, а у него работа высосала все силы души и тела, и он совсем не писал. Никогда ещё не было у них друг для друга столько свободного времени, и между ними быстро росла новая близость.

Поначалу Мартин только и знал что отдыхал. Много спал, долгими часами ничего не делал, думал и размышлял. Он словно приходил в себя после тяжкого испытания. И впервые понял, что возвращается к жизни, когда ощутил некоторый интерес к газете. Потом снова начал читать — немудрящие романы, стихи, — а ещё через несколько дней с головой погрузился в давно заброшенного Фиска. На редкость крепкий и здоровый, он обрёл новые жизненные силы, он обладал великолепным даром молодости — быстро воспрянуть телом и духом.

Он объявил Руфи, что, как только хорошенько отдохнёт, вновь отправится в плаванье, и она не скрыла разочарования.

— Зачем вам это? — спросила она.

— Для денег, — был ответ. — Надо запастись для следующей атаки на редакторов. Деньги — ресурсы войны, в моём случае деньги и терпение.